

Лирика

✍ Инна Воронова

Нам очень хочется излететь –
Не оторваться.
Чужие судьбы обогреть,
Огнем смеяться.

Как беспокойны мы порой
И одиноки,
Под рыжеглазою луной
Кропаем строки.

Мы миру ангелов несём
На тонких пальцах
И тихо плачем под дождём
Среди скитальцев.

Питаем собственную суть
Не для наживы.
Нас никому с земли не сдуть –
Пока мы живы!

Я помню вальс осенней акварели,
Дрожание загадочной свирели,
Волшебный взгляд
сиреневой луны.
Не оттого ли звёзды цепенели,
Что были мы особенно нежны?

Мне о чём-то нашёптывал ангел,
Прислонившись к моей колыбели,
Поправляя моё одеяльце,
Соскользнувшее с розовой ножки.
Я была лишь младенцем
кудрявым,
Но молитвы его понимала
И, смотря в поднебесные очи,
Всё беззубо ему улыбалась...

Но о чём же нашёптывал ангел?
Может быть, что я стану поэтом
И войду в этот мир со свечью,
И зажгу своё солнце искусства?
Буду я – и творить, и смеяться,
Плакать горько,
ломать свою душу?
Но нести свои добрые крылья –
Чуть поменьше,
чем ангелы носят...

Вот о чём мне нашёптывал ангел
В день весенний, священную Пасху.
И когда я смеялась глазами,
Что полны удивительной тайны,
Светлый ангел нагнулся и нежно
Целовал мою пухлую щеку.
Тихо Библию принял с рояля,
Где она, подустав, отдыхала
В золотистом своём переплёте...

На меня же взглянул он печально –
Этот ангел скрывал свои слёзы...
И окно отворя перед солнцем,
Поглотился заоблачным светом.

«Пусть слово мчится огненной стрелой...»

Справка «ММ»

Инна Воронова (в девичестве Воскобойникова) родилась 28 апреля 1978 года в Магнитогорске в семье металлурга-прокатчика и преподавательницы музыки. Училась в школе, занималась в литературной студии «Пегас» под руководством Натальи Соболевой. В 1992 году, после первой публикации стихов в газете «Магнитогорский рабочий», Инне была присуждена стипендия программы «Одарённые дети Магнитки».

В 1995 году, окончив Магнитогорский лицей РАН с золотой медалью, поступила на филологический факультет Магнитогорского государственного университета. С 2000 года работает корреспондентом газеты «Магнитогорский металл». В издательстве Магнитогорского лицея РАН в серии «Лицейские поэты» выходит первая книга стихов «Подснежники» (12+).

В 2003-м поступает на Высшие литературные курсы при московском Литинституте имени А. М. Горького. В 2004-м вступает в Московскую организацию Союза писателей России и работает корреспондентом в Международном сообществе писательских Союзов. В настоящее время живёт в Москве.

Дыханье розового сна
И звук страданья.
Глядит презрительно луна
На мирозданье.

Печаль, разлука, вновь печаль..
Шальная стужа
Над миром снежную вуаль
С тоскою кружит.

Какие вещи глаза
На тёплом склоне,
И безответная слеза
В немом поклоне.

Пусть месяц злится и ворчит,
Но я не струшу,
Любовь-беглянка застучит
Зарёю в душу.

Кругом молитвенный огонь –
Аж сердце рвётся.
Сжимаю звёздную ладонь.
...А ночь смеётся.

В январских сонетах –
Скрипучих и звонких –
Зима не воспета.
Душистые сосны
Насупили брови
На музу поэта.
Стволы их целованы небом.
Облиты лучами,
Согреты давно, изначально

Снежинковым светом.
Метель-огневица
Ресницами жалит поэта,
И где-то, и где-то
В горах напевают
Лесные фугетты.
Так плачет и стонет,
И шепчет седая планета
О том, что никем
Не воспета зима.
Не воспета.

Светлая лесная чародейка,
Крылья раздающая бесплатно,
Нежно отведёт беду-злодейку,
Обогреет песенно и жадно.

Улыбнётся карими глазами
И как хрупкий,
радостный рассвет,
Полетит, влекомая стихами,
В высоту своих крылатых лет!

Мы грустили и, казалось,
Небо пело о разлуке.
Солнце нежное спускалось
В твои ласковые руки.

И ожили между нами
Звуки жёлтой акварели...
...Губы плакали стихами,
Рифмы золотом горели.

Озарённый избранник судьбы
Подплывает неслышно к роялю...
И рождённые в сердце мольбы
Я опять и опять повторяю.

Тишина – проповедник души –
Синей тенью стоит на коленях.
Хоть хватай карандаш и пиши...

Стонут, кружатся кисти рук,
Словно добрые белые крылья...
Слышит Бог по-над
звёздной пылью,
Как душа воплощается в звук.

Этот город преогромный
С тёмно-рыжими кудрями,
С трубами-богатырями –
Стал моим духовным домом.

И его живая сила
Возносила мою душу,
Оттого я не нарушу
Тишину волшебной лирой.

Светлых улочек звучанье,
Радость суетных прохожих,
На меня чуть-чуть похожих...
Всё здесь – милое признание.

В замёрзшей суете ночи
Немое пенье,
И вздохи праведной свечи,
И вдохновенье.

Отяжелели облака –
Грозы начало,
А музыкальная рука
Аккорд венчала.
Слетались ангелы на свет –
Святые лики,
Как недописанный сонет
В безумном крике.
Пронзили звуки темноту
Легко и мудро...
Мою печальную мечту
Сокрыло утро.

Подари мне солнце,
Хочот рыжих сосен,
Веточку сирени
С каплей грозовой.
Бородатый ветер
Ставнями играет,
Мы его не впустим –
Вой, голубчик, вой!

Пусть на клавиатуре
Светлые дождинки
В красненьких сапожках
Спяжут краковяк.
И лесные фавны
Принесут нам небо –
Без такого шума
Не прожить никак.

Послушай, мой милый!
В любви наша сила.
Ведь в солнечном мире
Нас боги крестили,
Нас звёзды кружили
И приворожили.
Сегодня так снежно,
Так вьюжно, мой нежный.
И девочкой гибкой
С волшебной улыбкой
Танцует метель,
И звонче теперь
Рождение песен...
Ведь снова мы вместе.
Ты слышишь, мой милый?
В любви наша сила...

Огромные тени берёз
Кружат надо мною, кружат...
Огромные тени берёз
И грусти лесной листопад.

Как будто бы кто принёс
Глубинную эту печаль...
Огромные тени берёз
Накинули звёздную шаль.

Кружат, одиноки от слёз,
Как времени веретено.
Забывшие тени берёз,
Я вас сохраню всё равно.

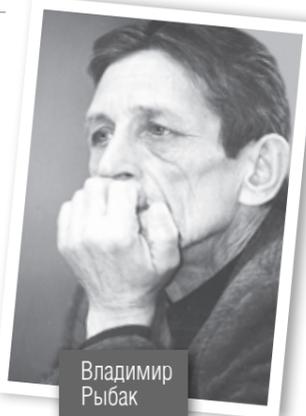
Проза

✍ Владимир Рыбак

Родом из детства

И светлой памяти полёт...

Каждый раз, когда бываю проездом в селе, в котором родился и вырос, до сознания доходит, что по этой земле отмерена большая половина моего жизненного пути. Даже раньше, едва автобус минет крутой подъём и с ветерком начнёт спускаться, приближая к зажатым со всех сторон холмами улицам, вдруг что-то встрепенётся в груди и заломит в висках, а на глаза опускается голубоватая пелена. И хочется в такой момент чуда – хоть на миг вернуться в детство, увидеть себя белоголовым мальчишкой в сатиновых шароварах и в брезентовых туфлях на босу ногу. Почувствовать звуки и краски той ещё незамаранной жизни, которая, казалось, никогда не кончится. Приблизить к себе и обнять кого тогда стеснялся и кого не обнял и уже никогда не обниму. И простить всех за все обиды и огорчения, и самому попросить прощения.

Владимир Рыбак

Рядом с собой не замечаешь в такие минуты никого. Какая-то невидимая сила забирает меня из автобуса под самые облака и несёт вперёд. Через овражек, мимо полей, Казённой горы и глубокого плёса. Прямо к низенькому, с одним окном на улицу, дому, крышу которого заботливо укрыл мой ровесник – карагач. Всё выше поднимаюсь я над землёй и лечу под куполом небес мимо обидчиков своих и болезней, мимо житейских дряг и мелочной суеты, мимо длинных и злых очередей. Спешу к озарённому солнцем детству, к сельскому мальчику, еле заметному с высоты.

Но вот успокоилась небесная сила и опустила меня рядом с ним. Он не испугался, а, чуть улыбувшись, подал мне тёплую руку. А я долго всматриваюсь в него. Неужели

тридцать пять лет тому назад он был мною, а я им? Неужели сидящая на завалинке молодая женщина – моя мама? А тот крепкий мужчина в гимнастерке из трофейного сукна мой отец? Хотел и к ним подойти, но снова невиданная сила отрывает меня от земли и поднимает в облака, похожие на разрывы снарядов. Как не хочется возвращаться в эту хмарь. Холодно наверху, но ладонь, в которой держал руку мальчика, по-прежнему полыхает костерком. И не остынет она никогда, ни в какие холода. До конца жизни моей.

Лебединый расцвет

Ещё в детстве заметил, самые щедрые рассветы – осенью. Все-му они раздают свои цвета, всё окрашивают в тёплую утреннюю радость, щедро одаривают остатками летнего тепла. Незвонкую медь – полям и холмам. Раскалённое серебро – облакам, синюю хрусталь – ещё глубокой в детские годы речке, алость – стае улетающих в тёплые края лебедей.

Помню, как мы с отцом по утренней зорьке ехали на паре быков на Байтерек за растопкой на зиму. Не доезжая до Казённой горы, я увидел стаю лебедей. Они летели низко и медленно. Может быть,

им нравилось, когда их перья окрашены в алый цвет восходящего солнца? Или не торопились расставаться с нашим краем до весны?

Я смотрел, не отрываясь, на крылья алых птиц. Вспомнил, если сразу махнут пять раз – быть завтра ясному небу, если помедлят – начнутся дожди. Но лебеди не торопились. И в их трубных кликах слышалось отчётливо: завтра задождит, захмарятся дали.

Всё дальше улетаала стая. Алый цвет на крыльях становился всё бледнее и бледнее. А рассвет вдогонку окрашивал лебедей уже в голубой цвет. Где-то у Крестьянского леса птицы слились с таким же голубым горизонтом, как и они сами. Лишь над нашей повозкой долго кружили и не могли упасть на землю несколько лебединых перьев. Они кружили и окрашивались то в розовый, то в сизый, то в жёлтый цвета.

...В прошлую осень довелось снова побывать на той дороге, по которой ехал в детстве задровами. И снова повстречалась мне лебединая стая. Как и тогда, загадал я, какой будет погода. Но не дождался пяти взмахов, обещающих тёплые и спокойные дни. Что ж вы, алые птицы, так недобры ко мне? Путь мой ещё не закончен. И завтра, и

послезавтра, и много-много раз мне нужна хорошая погода, светлое небо, сухая тропа. Может, вернётесь обратно.

Скорее бы весна

В поле, на реке и просто на обочине дороги – ходи и гляди – перемены каждый день. На фоне голубого неба серёжки на берёзках и скромница ольха в серых нарядах. Весну встречает.

Иду на родник. Зимой его и не видно было, а сейчас журчит, за километр слышно. Дорогу себе в снегу и наледи пробил и вот-вот к берёзам подберётся, напоит их щедро.

Вот знакомая верба. Та, да не совсем, зацвела она, невеста, – да и только. На каждую веточку будто бы сели чисто-белые пушистые шмели. Ветерок раскачивает их, но не может отряхнуть с веток. А может, и не хочет? Как знать...

Стою, слушаю и не могу понять: то ли ветерок гудит в ветках, то ли шмели свою песню ноют? Или это весна? Скорее бы сошёл снег, а талая вода унесла с заплыванных улиц мусор, грязь. Может, легче станет дышать, спокойней воспринимать наши неурядицы.

Скорее бы весна, скорее.